

Частнопредпринимательский уклад в отечественной экономике 1920-х гг.: взгляд через век

А.П. КИЛИН, кандидат исторических наук. E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru
ORCID: 0000-0003-1655-8730
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Аннотация. Новая экономическая политика могла бы стать типичным примером регулирования многоукладной экономики, не реализуйся она государством «диктатуры пролетариата», лидеры которого декларировали примат плана перед рынком и уничтожение частной собственности. Частный сектор хозяйства был легализован, но поставлен в неравные условия с государственным и связанным с ним секторами, рамки допустимого для предпринимательской деятельности постоянно суживались, ее субъекты дискриминировались. По сути, нэп выполнял функцию своеобразного «шлюза», предоставляя ограниченную возможность адаптации существующих укладов к реалиям централизованного планового управления. Экономические акторы, находясь на различных позициях в политическом и социальном спектрах общества, эмпирически определяли допустимую степень соблюдения и возможного нарушения установленных законов и норм. Особую роль в этих процессах играл частнопредпринимательский уклад, охватывавший широкие слои населения и выступавший индикатором границ допущения рыночных отношений. На излете 1920-х гг. данный уклад получил свое законченное «ликвидационное» определение как нежелательного «замкнутого круга частного сектора хозяйства». Реализованное стремление государства получить контроль над всеми видами ресурсов, сконцентрировать их в своих руках и направить на приоритетные направления развития (модель мобилизационной экономики) повлекло за собой не столько ликвидацию предпринимательства, сколько трансформацию его в своего рода «неформальный уклад» советской экономической системы. Получивший институциональное закрепление в отечественных социально-гуманитарных науках, но интерпретированный с различных позиций в течение XX века укладный подход позволяет проанализировать объективность существования социально-экономической многоукладности 1920-х гг. и причины и динамику ее инкорпорирования советской мобилизационной системой

Ключевые слова: новая экономическая политика; уклад; укладный подход; многоукладность; частнопредпринимательский уклад; «замкнутый круг частного сектора хозяйства»; частная торговля; государственное регулирование; мобилизационная экономика

Предпосылки введения нэпа

Придя к власти, большевики легитимизировали пропагандистские лозунги, выдвинутые ими накануне революции, и стремились

форсировать процессы экономических преобразований, начатые не ими. Усиление государственного регулирования и подчинение хозяйственной политики интересам войны – этот курс был взят руководством страны еще в 1914 г.

Экстремальный характер производства и распределения военного времени подрывал основы экономики, что не помешало интерпретировать эти формы как прообраз «коммунистического завтра». В «военном коммунизме» «военного» было намного больше, чем «коммунистического», но радикализация модели хозяйствования преследовала цель продемонстрировать стремительное продвижение вперед, причем не только российским, но и иностранным гражданам. Внешнеполитическая задача заключалась в том, чтобы спровоцировать представителей «мирового пролетариата» на более решительную и реальную поддержку «рабоче-крестьянского государства», в том числе за счет активизации революционного движения в своих странах.

Было очевидно, что политические цели и экономические условия не соответствовали друг другу. Протяженность страны, несовершенная инфраструктура, асимметрия регионов, многоукладность, дефицит ресурсов (в том числе инвестиционных), технологическая отсталость не только сохраняли свое значение, но и усугублялись. Необходимо было привести политические и экономические системы в соответствие друг другу, то есть, в марксистской терминологии, синхронизировать базис и надстройку. В реалиях экономики 1920-х годов для сохранения властью «командных высот» потребовался маневр, получивший название «новая экономическая политика».

Задачей данной работы является рассмотрение частнопредпринимательского уклада как одного из системообразующих для экономики 1920-х гг., на основе системного анализа и через оптику укладного подхода.

Актуальность исследования

Отвечать на сакраментальный вопрос: «Как нам обустроить Россию?» можно по-разному, в том числе опираясь на анализ истории отечественного частного предпринимательства и закономерности функционирования многоукладной экономики.

Советская экономика с доминированием государственной формы собственности не представляла из себя монолита,

а складывалась из разнообразных хозяйственных форм и практик. Отношения между ее акторами могли быть как гармоничными, так и конфликтными, основанными как на принципах кооперации, так и конкуренции, осуществляться в легальной или нелегальной форме. В данной связи целесообразно использовать для анализа хозяйственных практик такую категорию, как «уклад».

В экономическом плане на макроуровне необходимо проанализировать механизмы взаимодействия различных хозяйственных укладов; на региональном уровне актуальным является рассмотрение процесса включенности экономики региона в систему межрегиональных и национальных (страновых) хозяйственных связей; учет и регулирование различных моделей регионального развития в соответствии с набором различных укладов в том или ином экономическом районе позволяют максимально полно использовать потенциал территории (сырьевой, человеческий, логистический, технологический, культурный). На микроуровне в фокусе укладного подхода оказываются процессы, реализованные в рамках «замкнутого круга частного сектора хозяйства».

Вопрос о сущности экономики социализма, являясь дискуссионным на протяжении всего советского периода [Рубин, 1929; Островитянов, 1962], не утратил своей актуальности и сегодня [Гловели, Гребнев, 2013; Воейков, 2014]. С удовлетворением можно констатировать, что в новейший историографический период вновь пробудился интерес к укладной теории, и ее применяют не только при изучении истории раннесоветского общества [Килин, 2018; Раннесоветское общество..., 2018; Рыбина, 2015; Суворова, 2013], но и дня сегодняшнего. Более того, экономисты рассматривают многоукладность как необходимое условие для поступательного экономического развития России [Многоукладность России, 2009]. Очевидным признаком дееспособности теории является наличие у нее оппонентов, которые настойчиво опровергают ее положения и присваивают ей звучные эпитеты [Гаврилов, 2003].

Уклад как категория

Определение понятия «уклад» не относится к легкоразрешимым проблемам. Во-первых, оно претерпело определенную эволюцию; во-вторых, различные авторы могут использовать

для определения этого явления разные термины («габитус» – П. Бурдые, «народно-хозяйственная категория» – А. В. Чаянов). Нет консенсуса и в отношении как набора укладов, характерных для той или иной эпохи, так и их обозначения.

Анализируя генезис категории, А. А. Куракин отмечает: «В обыденном языке понятие “уклад” характеризует упорядоченность жизни, то, что происходит изо дня в день... применяется, в основном, к социальной жизни на микроуровне и зависит от способа анализа социальной реальности... Концепцию укладности, укладный подход можно обозначить как переход от общей аналитической схемы к набору производных аналитических схем или блоков более низкой степени общности» [Многоукладность России, 2009. С. 39–40].

Эту проблему на этнографическом материале отразил в своих работах Ю. И. Семенов, анализируя процесс формирования крестьянских общин в России и за рубежом [Семенов, 1976]. «Производственные отношения того или иного типа могли образовывать целостную систему, т.е. определенный общественно-экономический уклад, причем совершенно не исключена возможность наличия в одном и том же социальном организме одновременно нескольких укладов общественного производства. Как правило, ...один из них был господствующим, доминирующим, а остальные – подчиненными. Господствующий уклад является основой социального организма и определяет его тип, его принадлежность к той или иной общественно-экономической формации» [Семенов, 1976. С. 18].

Проследивая генезис термина в отечественной экономической теории, в частности, в рамках формационного подхода, А. А. Куракин отмечает, что этот термин использовался в значении «подформация» и, как правило, для характеристики экономик переходного типа [Многоукладность России, 2009. С. 42].

Стремясь к универсализму, А. А. Куракин декларирует приоритет структурного функционализма, который внепространственен и внеисторичен. «Концепцию укладности, укладный подход, можно обозначить как переход от общей аналитической схемы к набору производных схем более низкой степени общности, каждая <из которых> привязана к некоторому исторически и пространственно-определенному типу исследуемого объекта. По сути, происходит классификация эмпирических объектов

на уровне теории. Уклад не представляет собой... самостоятельной теории. Он может быть использован лишь как продолжение существующих теорий... В зависимости от теории получаются разные уклады: социально-экономические, культурные, политические и т.д. (и разные варианты этих укладов)» [Многоукладность России, 2009. С. 63–65].

От столь общей формулировки перейдем к конкретизации. По мнению Т.Е. Кузнецовой и Л.В. Никифорова, уклад определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существующих в обществе социальных взаимодействий. При этом они отмечают, что «понимание уклада не может ограничиваться только экономической средой, но экономическая составляющая является основой развития уклада, фактором его воспроизводимости». Особо подчеркивается фактор сосуществования, взаимодействия различных укладов: «Такая трактовка категории “уклад” соответствует реальным общественным отношениям, при которых взаимодействие укладов означает их конкурентное противостояние при равных возможностях развития, а не идеологически управляемое вытеснение одного уклада другим» [Многоукладность России, 2009. С. 18–19]. Очевидно, что проблема «равенства возможностей» является весьма актуальной, а ее решение дает ключ к пониманию политики государства в отношении частного капитала в годы нэпа, а также позволяет оценить степень рыночности современной отечественной экономики.

В свою очередь З.В. Рыбина предлагает следующее определение: «Экономический уклад – это условия хозяйствования, жизнеобеспечения и жизнеустройства определенной части населения, определяемые системой социально-трудовой деятельности этого населения или его местом в общественном разделении труда; формой собственности на предметы и средства труда, а также рабочую силу» [Рыбина, 2015. С. 44].

Таким образом, можно говорить о формациях как о моделях социально-экономического развития, а об укладах – как категориях более низкого порядка, результатах этого моделирования, сочетающих в себе как теорию, так и эмпирику. Такая интерпретация уклада согласуется с процессом моделирования, когда первоначальная идея модифицируется под воздействием объективных

условий и порой превращается в свою противоположность, как это произошло с «советским социализмом».

Элементы системы

Концепция многоукладности для руководства советской России не была исключительно теоретической проблемой. В работах В. И. Ленина содержится не только определение состава многоукладной экономики России, но и оправдание многоукладности, описание объективных условий, которые приводят к такому состоянию. «Мы наблюдаем, по меньшей мере, пять различных систем или укладов, или экономических порядков, – писал он. – Считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое – патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе – мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье – капиталистическое, – это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое – государственный капитализм, и пятое – социализм»¹.

Отметим, что оценка сущности тех или иных укладов ставилась под сомнение современниками. Так, будучи высланным из советской России в 1922 г., один из последовательных критиков централизованной советской экономики Б. Д. Бруцкус в начале 1930-х гг. писал: «Иностранные наблюдатели обычно называют государственные предприятия “государственно-капиталистическими” и, соответственно, всю советскую экономику в годы пятилетки государственным капитализмом. Мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы» [Бруцкус, 1995. С. 118]. Бруцкус при этом проницательно добавлял, что государственные национализированные предприятия внутри «были скорее бюрократическими, чем капиталистическими» [Бруцкус, 1995. С. 118].

¹ Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 158; В. И. Ленин об укладах в 1918 г. см.: Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 295–296.

При анализе современной ситуации экономисты выделяют другой набор укладов, что обусловлено как более широким толкованием этого термина, так и более сложными хозяйственными связями и множественностью факторов, влияющих на хозяйствующие субъекты. Если государственный, частнопредпринимательский, кооперативный и семейный уклады можно признать традиционными, то сельский, городской и неформальный уклады расширяют горизонты наших представлений, а диаспорный уклад воспринимается как экзотичный.

В своей рецензии на коллективный труд «Многоукладность в России» (2009) И. В. Троцук прокомментировала позиции его создателей: «Авторы предлагают следующую типологию укладов: сельский (соответственно, может быть и городской), рыночный (в качестве примера выступает частнопредпринимательский) и нерыночный (например, семейный), государственный, неформальный... диаспорный и кооперативный (имеющий в российском обществе давнюю и весьма успешную историческую традицию, но принявший в советский период ложный, дефективный, а в постсоветский период – квазигосударственный, а потому неэффективный номинальный характер)» [Троцук, 2010. С. 510–514].

Полагаем, что использование не «ленинской», а предложенной отечественными экономистами шкалы укладов, позволит более детально и пристально взглянуть в нэп, рассмотреть его как более сложную систему взаимодействия и взаимовлияния не только «классических», но и «нетрадиционных» укладов, таких как диаспорный, неформальный, семейный и т.п.

Несомненную ценность данный подход приобретает при изучении торгового предпринимательства, представленного мелкими и мельчайшими формами хозяйствования, являющегося сектором услуг, а не производства, имеющего региональную, а порой и этническую специфику. Так, деятельность торговых предпринимателей в определенных сегментах рынка (торговля фруктами, рыбой, халяльным или кошерным мясом) близка как к частнопредпринимательскому, так и к диаспорному укладам.

Структурные взаимосвязи системы

В соответствии с принципами системного подхода эффективность действия системы определяется не только качеством

и количеством составляющих ее элементов, но и характером взаимосвязей между ними. Очевидно, что соотношение различных укладов в нэповской экономике было непропорционально и конфликтно. Де-факто доминировал мелкотоварный уклад, представленный крестьянскими хозяйствами, кустарными промыслами и частной торговлей; в идеологическом и политическом плане перевес сил был на стороне государственного уклада (тресты и синдикаты).

Диспропорции со временем не сглаживались, а лишь усиливались. Обобществленный сектор хозяйства (состоящий из государственного и кооперативного укладов), уступая частному сектору в количественном плане, получал преимущества с учетом доктринального классового подхода. Отметим, что кооперация, первоначально относимая В.И. Лениным к государственному капитализму, позднее была включена в обобществленный сектор, для придания ему большего веса в сравнении с частным сектором хозяйства.

Унификация систем производства и распределения на коллективных началах должна была привести к совершенствованию или упрощению организационно-правовых форм хозяйствования, а в конечном счете – к ликвидации многоукладности в экономике. Игнорировался тот факт, что многоукладность является следствием объективных предпосылок, и преодолеть эти различия не удалось ни одной стране в мире. Вопрос: следует ли их преодолевать и насколько это возможно в принципе?

Конкурентное взаимодействие различных укладов обеспечивает экономике определенную динамику. Необходимость поддержания конкурентоспособности не отрицалась и при социализме, более того, абсолютизировалась во внешнеполитическом контексте («догнать и перегнать»). Внутри страны термин был заменен на иной – «соревнование», с эпитетом «социалистическое». Соревновательность, состязательность, конкуренция были объективной реальностью в раннем СССР, и, как считалось, должны были сохраняться и при социализме, но в особой, неантагонистической форме.

Отметим, что понятия «рынок», «рыночные отношения» в годы нэпа воспринимались современниками «диалектически». И. Мингулин писал: «Рынок и рыночные отношения имеют в начале развития товарного производства одни законы, а при

развитом капитализме – другие; совершенно иными они являются при монополистическом капитализме и абсолютно новыми при нашем строе... При диктатуре пролетариата мощным фактором выступают наши общественные отношения, т.е. диктатура рабочего класса над всеми экономическими и политическими отношениями и классами... Это развитие рыночных условий выражается в известной уменьшающейся роли стихийных элементов на рынке – “стихийное начало” все больше ограничивается» [Мингулин, 1927. С. 14].

«Стихия рынка» выступала здесь в качестве основного его недостатка, служила атрибутивным признаком и основным фактором устрашения для советских граждан. При этом элементы «стихийности» легко обнаруживались и в системе централизованного планирования. Планы в советской экономике подвергались серьезным изменениям под воздействием «идеологической конъюнктуры» и противоречили экономическим расчетам [Гершенкрон, 2015. С. 275–276].

Абсолютизируя план и дискриминируя рынок, строители советского общества обосновывали целесообразность широкого применения административных, директивных методов воздействия на экономику страны в ущерб косвенным методам и экономическим рычагам регулирования. В конечном итоге это привело к формированию мобилизационной экономики советского образца.

Анализируя ситуацию в России в 2000-е гг., Т.Е. Кузнецова и Л.В. Никифоров апеллируют к историческому опыту. «Как показал опыт советского строительства, наблюдается прямая связь между характером экономического оборота и многообразием или ограниченностью форм собственности. При плановом, жестко регулируемом хозяйстве количество официально разрешенных форм собственности ограничено. Связь между отношениями собственности и действующим экономическим оборотом фактически отметил еще В.И. Ленин..., соединив в своем понимании экономических укладов и их структуры обе эти характеристики. Для “социалистического уклада” характерны отсутствие частной собственности на средства производства и нерыночный экономический оборот» [Многоукладность России, 2009. С. 20].

В наследство от царизма новому строю достались не только феодальные пережитки, но и ряд экономических законов, которые

нашли себе применение. Многоукладная экономика рассматривалась и как единый хозяйственный механизм, и как система, функционирующая на основе различных экономических законов, противоречащих друг другу, но вынужденных сосуществовать в одном правовом и хозяйственном поле. Такая модель порождает вопрос: действовали ли эти законы изолированно друг от друга, распространяясь лишь на «свои» хозяйственные уклады, либо оказывали воздействие, в том числе «тлетворное», на «чужие», вовлекая их в сферу своих интересов?

Г. А. Дихтяр рисует картину своеобразного «правового плюрализма» в экономике переходного периода: «Наряду с появлением и развитием экономических законов социализма в переходный период еще продолжали действовать такие экономические законы капитализма, как закон прибавочной стоимости, закон конкуренции и анархии производства. Однако действие этих законов в переходный период нельзя отождествлять с их действием в условиях капитализма. Сфера их применения в переходный период становится весьма ограниченной: они действовали, притом далеко не в полную силу, в рамках капиталистического уклада, занимавшего сравнительно небольшое место... В конечном итоге объективный ход экономического развития приводит к тому, что экономические законы капитализма полностью отмирают вместе с самим капиталистическим укладом. Единственными экономическими законами остаются экономические законы социализма» [Дихтяр, 1961. С. 45].

Укладный подход позволяет увидеть многообразие процессов жизнедеятельности, разнообразит палитру хозяйственных практик, перемешивает различные социальные группы и формирует множество идентичностей. «Важной стороной развития уклада является его относительная открытость, динамизм и перекрестное состояние его субъектов... В каждый из укладов вмещаются различные стороны жизнедеятельности, как отдельных групп людей, так и отдельного человека. Это означает, что один и тот же человек может быть отнесен к различным укладам в зависимости от того, как им самим ранжируется окружающая его среда, какую сторону жизнедеятельности он определяет для себя в качестве главенствующей. Отсюда говорить о принадлежности различных социально-экономических групп и личностей к какому-либо укладу достаточно сложно, поскольку один и тот же субъект может

олицетворять собой несколько укладов, поэтому затруднительна структуризация укладов с точки зрения их количественного наполнения» [Многоукладность России, 2009. С. 19–22].

Эта позиция согласуется с пониманием классов в концепции социального поля П. Бурдьё, очень хорошо представленным у В.И. Ильина. В отличие от субстанциалистской традиции, где человек всегда остается представителем своего класса, в логике П. Бурдьё (структуралистско-конструктивистской), «индивид следует логике классового поля, лишь находясь в нем» и может дрейфовать между полями, строить свою жизненную стратегию, ориентируясь на другой класс [Ильин, 2000. С. 205].

Такая постановка проблемы ставит перед исследователем вопрос о механизме выработки жизненной стратегии индивида, предполагает анализ процесса формирования его идентичности (множества идентичностей), особенно в переходные и далекие от равновесия исторические периоды. В годы нэпа значительную часть граждан СССР, если не всех, можно было причислить к маргиналам. Это относится и к представителям партийной и хозяйственной номенклатуры, которые были дезориентированы новыми условиями и с отвращением вглядывались в «гримасы нэпа».

В качестве примера формирования множества идентичностей можно привести рабочих на предприятиях Урала, особенно в малых городах и рабочих поселках, которые «в свободное время» занимались сельскохозяйственной деятельностью и по этой причине маркировались как «полурабочие-полукрестьяне». Они были вовлечены как в государственный уклад, если предприятие находилось в государственной собственности, так и в госкапитализм, если работали на частном предприятии, а также в патриархальный или семейный уклад, занимаясь обработкой земли или кустарным производством на дому или на стороне (отходничество). Реализуя на рынке свою кустарную продукцию, либо товар, полученный на заводе в качестве натуральной оплаты труда, рабочие были вовлечены в частнопредпринимательский уклад. Будучи представителями определенного этноса, они активно вовлекались в диаспорный уклад, например, когда речь шла о занятии традиционными промыслами или специфическими видами торговли.

Многоукладность придает уникальность и своеобразие региональной экономике, свидетельствует о наиболее полном использовании имеющихся ресурсов, формирует адекватную

сложившимся хозяйственным и культурным практикам конкурентную среду, которая обеспечивает динамизм региональному развитию. В.П. Тимошенко активно применяет метод моделирования при исследовании как внешней, так и внутренней, прежде всего региональной политики СССР [Тимошенко, 2010]. Он обозначил модель регионального управления, которая была реализована в 1920-х гг., как «территориально-рыночную» или «регионально-корпоративную» и рассмотрел механизмы ее функционирования на примере Уральской области (1923–1934 гг.) [Тимошенко, 2005].

И.Б. Орлов, выявляя региональную специфику в процессе реализации нэпа, рассмотрел предпосылки этого многообразия [Орлов, 2006. С. 33–34, 36]. Одной из них должна быть названа специфика модели многоукладной экономики региона, которая выражалась в различном наборе хозяйственных укладов, в количественных и качественных параметрах их взаимодействия [Килин, 2018. С. 63–64].

«Частнопредпринимательский» или «частнокапиталистический»?

Терминологические проблемы в условиях многообразия методологических подходов приобретают особую актуальность. С одной стороны, как уже отмечалось, современные трактовки укладной теории с ее «шкалой укладов» позволяют дать адекватную картину многообразия хозяйственных практик 1920-х гг. С другой стороны, необходимо констатировать, что вопросы терминологии, проблемы типологизации и классификации предпринимательских слоев в период нэпа активно обсуждались современниками событий, даже притом, что они находились в жестких идеологических рамках.

Почему мы отдаем предпочтение определению «частнопредпринимательский уклад» перед «частнокапиталистическим»? Очевидно, по причине того, что он включал в себя разнообразные формы хозяйствования: иностранные концессии, ремесленные мастерские, крестьянские хозяйства (производящие товарную продукцию), частную торговлю и т.п. Разумеется, не всех субъектов частнопредпринимательской деятельности можно отнести к «капиталистам». Это убедительно иллюстрирует классификация частной торговли государственными фискальными органами.

Основным видом налога был промысловый налог, состоявший из патентного и уравнительного сборов. Патентный сбор уплачивался посредством выборки (выкупа) промыслового патента на занятие торговлей². Классификация торговых заведений проводилась по различным основаниям: временным, территориальным, в зависимости от характера торгового помещения, а также используемой рабочей силы и количества работающих, от ассортимента реализуемых товаров и размера операций. Как и в других ситуациях, в процессе реанимации товарно-денежных отношений при разработке сетки разрядов использовали дореволюционный опыт. «Революционность» в данном случае проявилась в том, что первый разряд в соответствии с новой классификацией был самым низким, тогда как в прошлом – самым высоким, т.е. – «кто был всем – стал ничем».

В пропагандистских кампаниях частный торговец – это нэпман, нэпач, буржуй, спекулянт или иной «нехороший человек», который является эксплуататором и на законных основаниях лишен права избирать и быть избранным («лишенец»).

В действительности все было не столь однозначно. Предполагалось, что самых мелких торговцев, предпринимателей I разряда, следует относить не к частнокапиталистическому сектору, а условно приравнивать к самостоятельным производителям. Это в большей степени приближало их к патриархальному или мелкотоварному укладу. С.Г. Струмилин предложил для категории мелких торговцев использовать термин «торговый пролетариат» [Антонов, 1928. С. 41].

На практике в огромной своей массе мелкой торговлей занимались люди, вынужденные искать средства к существованию в условиях безработицы или лишившиеся источника дохода в результате несчастного случая, неурожая, потери кормильца и т.п. Нередко торговля являлась дополнительным источником дохода, помимо основной деятельности (сельское хозяйство, ремесло, работа на заводе или фабрике, государственная служба и пр.). Это положение достаточно убедительно иллюстрируют материалы личных дел граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей

² Промысловый налог. Обложение патентным сбором. М., 1926. С. 3; См.: О введении в действие Положения о государственном промысловом налоге. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 24 сентября 1926 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15.10.1926). Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. № 243).

[Килин, 2018. С. 527–562]. Однако на практике было невозможно отделить эту группу от профессиональных торговцев, как мелких, так и крупных, практикующих метод рассеянных, рассредоточенных форм предпринимательства. Отнести эту разноликую массу к «капиталистам» было сложно даже «историкам-марксистам».

Граждане, которые занимались предпринимательством довольно продолжительное время и на профессиональной основе, отдавали предпочтение «золотой середине». Промежуточный III разряд позволял оптимально согласовать интересы частника и государства. Его рамки давали достаточно свободы для торговца, в том числе из-за отсутствия ограничений по ассортименту. Это было важно, так как в стремлении максимально ускорить товарооборот и быстро реагировать на запросы рынка частнику приходилось диверсифицировать свою деятельность как по ассортименту, так и по видам торговли. Налоги, как бы они ни были тяжелы, позволяли при благоприятных условиях получать прибыль.

Средняя категория торговцев («средняки») оказалась самой устойчивой и постоянно пополнялась за счет крайних разрядов. Это были, с одной стороны, наиболее удачливые предприниматели I и II разрядов, а с другой – торговцы, решившие свернуть торговлю IV и V разрядов (по определению авторов сводок ОГПУ³ – «вылезают в лотки»⁴). Вполне вероятно, что под прикрытием III разряда скрывали подлинные объемы своей торговли крупные предприниматели, использовавшие рассеянные формы предпринимательства.

Несмотря на относительную устойчивость этой категории, в определении «классовой сущности» середняков не существовало единой точки зрения. Оценка базировалась не столько на экономических, сколько на идеологических установках, и в рамках проведения очередной кампании границы этой социальной группы могли меняться. Напомним, что аналогичные проблемы были и в отношении оценки сельских производителей, так как категории «кулак» и «средняк» отнюдь не были строго формализованными.

В отношении «торговцев-средняков», торгующих по патенту III разряда, дискуссия не была особо активной, а диапазон мнений

³ Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ)

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 143

в исследовательской среде был незначителен. Ю. Ларин однозначно относил их к частнокапиталистическому сектору. И. Мингулин предлагал более детализированный подход, отмечая, что «вряд ли можно соглашаться с отнесением всех торговых заведений III разряда к капиталистическому кругу предпринимателей» [Мингулин, 1927. С. 134]. С.Г. Струмилин подтверждает эту точку зрения расчетами. Так, например, средний дневной оборот заведения III разряда, по его оценке, составлял 52 руб. (в ценах 1925/26 г.). «Величина явно ничтожная для капиталистического предприятия. Личные расходы владельца такого среднего заведения равны 99,2 руб. в месяц, а вместе с “накоплением” – 143,2 руб. Ясно, что в лице владельца среднего торгового заведения мы имеем перед собой типичного мелкого буржуа, а его “накопление” есть не что иное как откладывание на черный день за счет жизненного уровня... Мы считали бы экономически справедливым отнести к капиталистическому кругу не более половины торговых заведений III разряда» [Струмилин, 1930. С. 134].

Под воздействием сторонников более радикальных «левых» взглядов С.Г. Струмилин скорректировал свою позицию: «Поскольку нас интересуют судьбы частного капитала, мы ни в коем случае не должны возводить в ранг опасных нам капиталистов тех наиболее мелких торговцев с лотков или из ларьков и киосков, которые едва ли оправдывают своей торговой выручкой даже полную оплату своего труда. Мы думаем, что и добрая половина торговцев мелочной торговли III разряда лишь с очень большой натяжкой может быть отнесена к разряду капиталистической торговли. Но, во избежание излишних споров, отнесем условно все частные торговые заведения III разряда к категории извлекающих прибавочную ценность, т.е. капиталистических по своей природе» [Струмилин, 1930. С. 260–261].

Таким образом, в отношении трех, самых многочисленных разрядов⁵ торговли возникают сомнения относительно их

⁵ Разумеется, здесь тоже была региональная специфика. Так, на Урале частное предпринимательство в сфере ремесленного производства, частной торговли и кредита, было не столь широко распространено, как в иных регионах страны. Отчасти это объясняется отраслевой структурой регионального хозяйства. Если рассматривать соотношение по разрядам внутри частной торговли Урала, то в 1926/27 г. 75% приходилось на предприятия I и II разрядов, остальное на III, крупные же предприятия в частном секторе были представлены десятками, если не единицами [Антонов, 1928. С. 44].

капиталистической природы. По этой причине определение «частнопредпринимательский уклад» является для нас предпочтительным, по сравнению с «частнокапиталистическим».

«Замкнутый круг частного сектора хозяйства»

Идеологами «советского социализма» многоукладность экономики воспринималась как неизбежное зло, которое в процессе построения нового общества должно быть изжито. При этом уклады делились на «чистые» – обобществленный сектор экономики и «нечистые» – не обобществленный. Последний выделялся как благоприятная среда для возвращения мелких собственников, сторонников контрреволюции, некая пятая колонна мирового капитализма. Борьба с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» – наиболее показательный пример.

Под «замкнутым кругом» понимается сформированная внутри частнопредпринимательского уклада система хозяйственных связей, состоящая из производителей, посредников и потребителей, обеспечивающих целостность производственного процесса, а также сбыт произведенной продукции, участники которой стремились дистанцироваться от государственного, «социалистического» уклада. Этот термин имеет конкретно-историческую привязку и получил наибольшее распространение в конце 1920-х гг., в связи с проведением серии показательных судебных процессов [Гринвальд и др., 1930] против представителей частнопредпринимательского уклада и тех государственных служащих, которые, по мнению следствия, обеспечивали частнику режим наибольшего благоприятствования в хозяйственной и налоговой сферах. По определению Ю. Ларина – это были «агенты и соучастники частного капитала в госаппарате» [Ларин, 1927. С. 9].

«Замкнутый круг» можно рассматривать в нескольких аспектах, которые позволяют продемонстрировать как заложенный в частнопредпринимательском укладе потенциал, так и противоречивость политики государства в отношении частного сектора хозяйства. 1. «Круг» – это естественный и органичный результат развития частнопредпринимательского уклада в рамках экономики переходного периода, один из элементов многоукладной экономики нэпа. 2. Изолированность «круга» можно оценивать как реакцию частного сектора на давление со стороны государства, направленное на его ликвидацию и огосударствление экономики.

3. Борьба с «кругом» лежит, прежде всего, в экономической плоскости, поскольку он выступал в роли антагониста «социалистического» уклада и препятствием для реализации форсированной модернизации. 4. Одновременно борьба велась в политической сфере, поскольку в нем видели опору как для внутренней, так и для внешней «контрреволюции», как препятствие в процессе формирования «нового», «советского», «обобщественного» человека [Слёзкин, 2019. С. 753] – целиком и полностью зависящего от государства (забегая вперед, отметим, что это не решило проблем эгалитаризма, поскольку на смену частнопредпринимательскому «кругу» пришел иной «круг» – партийной и хозяйственной номенклатуры). 5. Деятельность субъектов в пределах «круга», изначально вполне легальная, по мере усиления нажима на частника, все больше смещалась в нелегальную плоскость, трансформировалась в неформальный хозяйственный уклад, служила основой для теневой экономики. 6. Полагаем, что «круг» можно рассматривать как некий образец при формировании государственной хозяйственной системы, построенной на принципе автаркии, поскольку, следуя общему правилу («принцип единства и борьбы противоположностей» в логике Г. Гегеля), чем острее антагонизм, тем больше сходных черт появляется у сторон конфликта.

Эволюция частного капитала в СССР современникам нэпа виделась следующим образом: «1) от обслуживания государственного хозяйства к преимущественному сосредоточению операций в области хозяйства негосударственного; 2) при отступлении частного хозяйства в целом перед хозяйством государственным (и кооперативным) – внутри частного хозяйства относительный рост значения и доли хозяйства капиталистического; 3) тенденция капиталистов к созданию замкнутого частнокапиталистического хозяйственного круга, по возможности нерегулируемого государством; 4) отсутствие прочной почвы для длительного успеха этой тенденции и вытекающее отсюда несомненное крушение попыток самостоятельного и независимого хозяйственного маневрирования капиталистов в СССР» [Ларин, 1927. С. 286].

Ю. Ларин описывает технологию «самостоятельного и независимого функционирования капиталистов» как «своего рода попытку создать экономическое “государство в государстве”, создать такую цепь связей, при которой некоторые хозяйственные

процессы, от истоков возникновения до конечного потребления, целиком были бы организованы капиталистически. Одни частники производят какие-то товары, другие частники у них эти товары покупают и продают потребителю, третьи частники их же кредитуют. Распространена, например, такая цепь: сначала заготовка сырья капиталистами; потом переработка его на капиталистических фабриках или кустарями, которых капиталист снабжает сырьем; затем идет организация капиталистами торговли соответствующими изделиями. И во главе всего этого – капиталистический кредит, который финансирует и играет решающую роль» [Ларин, 1927. С. 292].

По нашему мнению, основную роль в организации и «запуске» «замкнутого круга» играл все же не частный кредит, а частный торговец. Кроме того, мы полагаем, что самой трудной задачей в условиях переходной экономики была организация эффективного взаимодействия между производителями и потребителями, не только в производственной цепочке, но и в пространственном аспекте, а экономические связи и логистика были «ахиллесовой пятой» обобществленного сектора. При этом необходимо учитывать специфику экономики нэпа и рассматривать каждого актора, вовлеченного в хозяйственную деятельность, не в одной, а в нескольких ролях. Как правило, производитель становился торговцем, а торговец ростовщиком, при этом все они являлись частными потребителями.

Вольный рынок постоянно находился в зоне особого внимания ОГПУ. Так, в информационной сводке Челябинского окружного отдела за сентябрь 1924 г. отмечается: «Галантерейная торговля, по преимуществу, в руках частных торговцев, причиной этого то, что галантерейные товары в большинстве случаев производятся кустарями или же привозятся контрабандным путем из-за границы. Государственные и кооперативные организации галантерею приобретают у частных торговцев оптовиков. В августе месяце Челябинским ЦРК [Центральный рабочий кооператив – А.К.] куплен у частного торговца в Москве галантереи на 400 червонцев, лишь только потому, что такого ассортимента товаров нет ни в Облсоюзе, ни в Центросоюзе»⁶. Как отмечалось в материалах Народного комиссариата торговли РСФСР в январе–октябре

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 80. Л. 161

1926 г., разница в ценах на дефицитные товары внутри страны и за границей достигала 500%, по этой причине «контрабанда всегда будет иметь место и будет находить пути проникновения»⁷.

Частник стремился к автономии, но полная независимость была недостижима, так как он попадал в сферу влияния фискальных, контрольных и правоохранительных органов, пользовался услугами государственных монополий (транспорт, связь, почта). Одновременно сила рынка втягивала в орбиту частного представителя государства, и таким образом «замкнутость» круга оказывалась условной, более того, само его существование было невозможно без коррупции. Парадокс ситуации заключался в том, что стремление частного «уйти от государства» как системы приводило его к «особым отношениям» с отдельными представителями власти.

Эти специфические экономические связи были продемонстрированы особенно наглядно на судебном процессе в г. Астрахань (1928–1929 гг.). Разоблачение сотрудников губернского финансового отдела исполкома и городского торгового отдела, обвиненных в «сращивании» с частным капиталом, получило эпитет «астраханщина» [Гринвальд и др., 1930] и обернулось масштабной кампанией, которая прокатилась по всей стране и ознаменовала собой очередное наступление на частный капитал.

Так, в Свердловске, в рамках борьбы с «астраханщиной», были вскрыты злоупотребления в фискальной сфере [Килин, 2018. С. 422–455]. Материалы ревизии финансовых отделов свидетельствовали о том, что часть мелких торговых и кустарно-ремесленных предприятий попадала в своеобразную «слепую зону», становясь «невидимыми» для налоговых органов. В результате проверки в Свердловском округе Уральской области, которая проводилась в сентябре 1929 г., выяснилось, что в 1928/1929 г. «не обследованы и, следовательно, не обложены соответствующими налогами 458 предприятия и владельцы этих предприятий и 137 кустарей, применяющих наемный труд»⁸. В отчете ситуация объясняется стремлением налоговиков оптимизировать свою деятельность, облагать налогами, прежде всего крупные предприятия.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А 410. Оп. 3. Д. 54. Л. 12 об.–13

⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 381. Л. 69 об.–70.

В информационной сводке окружного отдела ОГПУ о политическом и экономическом состоянии Ишимского округа за сентябрь 1924 г. описывается деятельность так называемого «лжекооператива», в которую вовлечены торговцы, ремесленники и представители власти. «Ястребов под фирмой Товарищество “Личный труд”, в каком-то якобы они членами не состоят, а состоят у Иванова сын, у Ястребова – зять, а торговать они еже-базарно торгуют, скупая сырье и хлеб. Иванов и Ястребов имеют большой посев посредством наемного труда, например, Иванов держит 2–3 батрака, Ястребов тоже. Развитию деятельности Товарищества “Личный труд” и упомянутых кулаков способствует фининспектор Галл, который хорошо знает, что таковые не имеют патента и прав на торговлю, а все же каждый базар торгуют в лавке. Вышеупомянутый инспектор не принимает никаких мер <...> Беспатентная покупка кож и сырья, щетины, шерсти и хлеба всех культур как на базаре в с. Ильинском, так и в окрестностях. [Они] скупают большое количество данного сырья и отправляют в г. Ишим, и сдавая в Ишиме Хлебопродукту, Кожсиндикату, Промкомбинату, а больше всего в г. Петропавловск <...> Данное товарищество имеет несколько тысяч рублей собственного капитала и форменным образом конкурирует с местной кооперацией. (Сообщено Уполномоченному по Петуховскому району и сообщено в ОкрФО)»⁹.

Применительно к частникам уместно говорить и об использовании методов конспиративной работы с целью «сокрытия доходов», о чем свидетельствует одна из сводок Челябинского окружного отдела ОГПУ за декабрь 1924 г.: «Необходимо отметить, что приезжающие торговцы-хлебники прибегают к всевозможным хитростям, дабы не быть замеченными, как-то: не останавливаются в Советских номерах, а проживают в частных квартирах, у бывших местных торговцев, через которых стараются вести закупки. В случае же проверки документов квартирными старостами называют себя безработными, умышленно переодеваясь в рваную одежду и т.п.»¹⁰.

На наш взгляд, функционирование «замкнутого круга частного сектора хозяйства» демонстрирует наличие объективных предпосылок для существования и сохранения на достаточно отдаленную

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 71. Л. 167

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 80. Л. 303

перспективу частнопредпринимательского уклада в экономике страны, а также его эффективность в хозяйственном плане. При этом никакой угрозы государству он представлять не мог как в силу сложившейся институциональной среды, так и автаркичности, замкнутости формируемой им хозяйственной системы.

Инкорпорирование многоукладности мобилизационной экономикой

Свертывание нэпа, которое носило длительный и нелинейный характер, привело к формированию мобилизационной экономики, изучению различных аспектов которой отечественные исследователи уделяют значительное внимание [Гончаров и др., 2013; Социальная мобилизация, 2018]. Мы солидарны с мнением Д. Хесслер, которая предостерегает от оценок нэпа как тупикового этапа в развитии советского государства и утверждает, что нэп был скорее мостом между социалистическими устремлениями революционной эпохи и «реальным социализмом» более поздних лет [Hessler, 2004. P. 336].

Мобилизационная экономика была нацелена на реализацию сверхзадач, далеко отстоящих от бытовых потребностей рядового советского человека. На разрыв между ростом выпуска промышленной продукции и ростом потребления, которые являлись признаком «экономики инвестиций», обращал внимание А. Гершенкрон [Гершенкрон, 2015. С. 268–269.]

Мобилизационная модель предполагает максимальную концентрацию усилий и ресурсов на преодолении реальных или мнимых трудностей, отдельных прорывных направлениях, что часто сопровождается большим количеством жертв. Помимо людей, к числу жертв этой модели можно отнести и экономические законы, которые по большей части базируются на рыночных началах.

Если рассматривать многоукладность как атрибутивное свойство российской экономики, то ожесточенная борьба с ней выглядит бессмысленной, а результаты этого противостояния могут быть весьма скромными. При этом сама по себе многоукладность не гарантирует экономический рост, поскольку, как уже отмечалось, важен характер взаимодействия различных укладов, единство правил игры и качество институциональной среды.

Данный тезис подтверждается исследованием, которое А. Маркевич и М. Харрисон провели, анализируя динамику

макроэкономических показателей СССР 1920–1930-х гг. «Вначале восстановление экономики шло быстрыми темпами, однако довольно скоро рост замедлился и не поднимался выше 10%. В апреле 1929 г., когда большевики официально утвердили “оптимальный” вариант первой пятилетки, средние доходы на душу населения по-прежнему оставались ниже довоенного уровня. Перевалить через эту отметку советский ВВП на душу населения смог лишь в 1934 г. ... Хотя рассматриваемый период не очень длинен, наши данные не подтверждают мнение о том, что нэп представлял собой эффективную политику, результатом которой стало возникновение эффективных институтов, послуживших основой долгосрочного развития советской экономики» [Маркевич, Харрисон, 2013. С. 29].

Таким образом, нэп следует считать органичным и закономерным этапом формирования *мобилизационной экономики социализма*. В этот период происходила адаптация новой политической системы к экономическим реалиям, осуществлялась «проба сил», определялась та мера, в пределах которой можно нарушать экономические законы. Сегодня большинство исследователей сходятся во мнении, что предпосылки «кризисов нэпа» возникали в результате государственной политики, в ходе реализации экономических экспериментов. При этом «притирка» или адаптация осуществлялась не только государством, но и акторами различных укладов, существовавших в тот период в хозяйстве страны. Они пытались определить границы, в рамках которых могли бы сохранить свою автономию, выжить и разработать механизмы сосуществования с агрессивно наступающим «социалистическим» укладом. Можно утверждать, что именно в годы нэпа закладывались основы теневой экономики социализма.

Советская экономика по своей природе была мобилизационной и наиболее явственно проявляла свои атрибутивные, родовые черты в экстремальных условиях военного времени. Изменению подвергались отчасти методы, но в большей степени – интенсивность их применения. Мобилизационный характер был заложен в годы Первой мировой войны, усилился в годы Гражданской, проходил «обкатку» в период нэпа и был запущен с новой силой в годы первых пятилеток, достигнув своего наивысшего подъема в годы Второй мировой войны. Именно этот период рассматривается сегодня как государственнообразующий и «скрепный»,

поскольку позволил продемонстрировать преимущества иной, отличной от рыночной или капиталистической модели хозяйствования.

Изучение частного предпринимательства на основе укладного подхода является весьма продуктивным, поскольку открывает возможность анализа не только экономических, но и социокультурных аспектов проблемы, в том числе нашедших свое отражение в региональной специфике. Данный подход позволяет рассматривать мелкие и мельчайшие, порой весьма специфические формы хозяйственной деятельности в наиболее полном и объемном виде, добываясь своеобразного «стереоэффекта», изучать не только частнопредпринимательский, но и диаспорный, семейный, неформальный уклады. В рамках этого подхода целесообразно анализировать формы и методы торговли, особую роль торгового посредника в рамках «замкнутого круга частного сектора хозяйства»:

После ликвидации нэпа многоукладность экономики СССР сохранилась не только в форме двух легальных укладов – государственного и колхозно-кооперативного, но и в форме нелегального или неформального уклада, который существовал на протяжении всего «советского периода» и был легализован в середине 1980-х гг. Источником его существования выступали государственный и колхозно-кооперативный секторы как в части ресурсов, так и в силу ограниченности своих возможностей и дефектов планирования, порождавшие товарный дефицит как атрибут советской экономики.

Литература

Антонов Д. Уральский торговый аппарат // *Хозяйство Урала*. 1928. № 5–6. С. 35–45

Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. Санкт-Петербург: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1995. 232 с.

Воейков М. И. Политическая экономия: очерки и этюды. / М. И. Воейков; Ин-т экономики РАН. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. 307 с.

Гаврилов Д. В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2003. С. 5–22.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Бельх; пер. с англ. А. В. Бельх. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.

Гловели Г. Д., Гребнев Л. С. Политэкономия СССР: критические очерки. М.: Институт экономики РАН, 2013. 72 с.

Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.

Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. / Под ред. и пред. В. Филова. Саратов: Государственное издательство, Нижне-Волжское отделение, 1930. 240 с.

Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 472 с.

Ильин В. И. Социальное неравенство / В. Ильин. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. 280 с.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.: Государственное издательство, 1927. 312 с.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. / Андрей Маркевич, Марк Харрисон; авторизованный пер. с англ. Е. Артемовой. М.: Мысль, 2013. 111 с.

Мингулин И. Пути развития частного капитала. М.–Л.: Московский рабочий, 1927. 164 с.

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т экономики; [отв. ред. Т. Е. Кузнецова]. М.: Ин-т экономики, 2009. 286 с.

Орлов И. Б. Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 33–54.

Островитянов К. В. Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения / Акад. К. В. Островитянов; Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М.: Госполитиздат, 1962. 151 с.

Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / Коллектив авт.; под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 468 с.

Рубин И. И. Очерки по теории стоимости Маркса: С новым дополнением к статье «Ответ критикам» / И. И. Рубин. 4-е изд. – М.: ГИЗ, 1929. 374 с.

Рыбина З. В. Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. 2015. № 3. С. 39–44

Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства: Сборник статей / Отв. ред. А. И. Першиц; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1976. С. 7–86.

Слэзкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции / Ю. Слэзкин. М.: Издательство АСТ: CORPUS., 2019. 976 с.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): / [Н. Б. Арнаут, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др.; отв. ред. С. А. Красильников]. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2018. 591 с.

Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во, 1930. 534 с.

Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI, 2013. 304 с.

Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95.

Тимошенко В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики // Уральский исторический вестник. 2010. № 3(28). С. 84–93.

Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 510–514.

Hessler Julie. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton: Princeton University Press. 2004. 366 p.

Статья поступила 11.01.2021.

Статья принята к публикации 25.01.2021.

Для цитирования: *Килин А. П.* Частнопредпринимательский уклад в отечественной экономике 1920-х гг.: взгляд через век // ЭКО. 2021. № 3. С. 8-34. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-8-34.

Summary

Kilin, A.P., Cand. Sci. (Hist.), Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Private Entrepreneurship in the Russian Economy in the 1920-s: a View a Century Later

Abstract. The new economic policy could be a typical example of a mixed economic system (“mnogoukladnost”) if it were not implemented in the state of the “dictatorship of the proletariat”, whose leaders declared the primacy of ‘plan over market’ and set themselves the goal of destroying private property. The private sector of the economy was legalised; however, it was placed in unequal conditions, the limits of what was allowed were constantly changing and business entities were discriminated against. Being a model of the transition period, the NEP served as a “gateway” providing a limited opportunity to adapt existing economic orders (“uklad”) to the realities of centralised planned management. Economic actors, being in different positions in the political and economic spectrum of society, determined the degree of permissible and possible violations of economic laws that allowed the emerging economic and political systems to be kept in relative equilibrium (or protected from collapse). A special role in these processes was played by the private entrepreneurship system, which covered a wide range of population and was an indicator of the degree of market relations acceptance. As a result of displacement of the private sector at the end of the NEP, this way of life received its most complete expression in the form of a “closed circle of the private sector of the economy”. The economic, political and propaganda struggle against the “circle” that unfolded in the late 1920s resulted in a series of public trials. The desire of the state to gain control over all types of resources, to concentrate them in its own hands and to direct them to priority areas of development became obvious. The “informal order (“uklad”)” of the Soviet period, fed by a chronic commodity shortage, was an inevitable consequence

of this policy. The social construction of the new society was aimed at formation of a “socialised” person, deprived of economic and political subjectivity (autonomy of the individual). These processes form the attributive properties of the mobilisation economy model. Its formation, which began during the Civil War and passed through the “gateway” of the NEP, received its logical conclusion during the first five-year plans. Thus, the economic order (“uklad”) approach allows us to analyse the laws of existence of the NEP mixed economic system and its role in the formation of the mobilisation economy of the USSR.

Keywords: *new economic policy; economic order (“uklad”); economic order approach; mixed economic system (“mnogoukladnost”); private entrepreneurship system; “closed circle of the private sector of the economy”; private trade; state regulation; mobilisation economy*

References

- Antonov, D. (1928). Ural trading apparatus. *Khozyaistvo Urala*. No. 5–6. Pp. 35–45 (In Russ.).
- Brutskus, B. (1995) Soviet Russia and Socialism. Articles. Saint-Petersburg, Publ. AOZT «Zhurnal “Zvezda”». 232 p. (In Russ.).
- Dikhtyar, G.A. (1961). *Soviet trade in the period of socialism building*. Moscow, Publ. Akademii nauk SSSR. 472 p. (In Russ.).
- Early Soviet society as a social project, 1917–1930*. Monograph: in 2 parts. Vol. 1. The Country of the Soviets: space, Power, Economy. (2018) Yekaterinburg, Publ. Ural’skogo universiteta. 468 p. (In Russ.).
- Gavrilov, D.V. (2003) *The dissident “theory of multiplicity”: the test of time for reliability and viability*. Materialy V regional’noi nauchnoi konferentsii Ural industrial’nyi. Bakuninskie chteniya. Yekaterinburg, Publ. Gumanitarnogo universiteta. Pp. C. 5–22. (In Russ.).
- Gershenkron, A. (2015). *Economic backwardness in historic perspective*. Nauch. red. A.A. Belykh; per. s angl. A.V. Belykh. Moscow, Izdatel’skiy dom “Delo” RANHiGS. 536 p. (In Russ.).
- Gloveli, G.D., Grebnev. L.S. (2013). *Political Economy of the USSR: critical essays*. Moscow, Publ. Institut ekonomiki RAN. 72 p. (In Russ.).
- Goncharov, G.A. et al. (2013). *Mobilization model of development of Russian society in the twentieth century: monograph*. Chelyabinsk, Publ. Entsiklopediya. 128 p. (In Russ.).
- Grinvald, Ya., Khankin, I., Chilim, I. (1930). *Class versus class. Economic counter-revolution in Astrakhan*. Saratov, Publ. Gosudarstvennoe izdatel’stvo, Nizhne-Volzhscoe otdelenie. 240 p. (In Russ.).
- Hessler, Julie (2004). *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton: Princeton University Press. 366 p.
- Il’in, V.I. (2000). *Social inequality*. Moscow, Publ. Institut sotsiologii RAN. 280 p. (In Russ.).
- Kilin, A.P. (2018). *Private trade and credit in the Urals during the NEP years: economic, political and social aspects: scientific monograph*. Yekaterinburg, Publ. Ural’skogo universiteta. 606 p.
- Larin, Yu. (1927). *Private capital in the USSR*. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel’stvo 312 p. (In Russ.).

Markevich, A., Kharrison, M. (2013). *World War I, Civil War and Reconstruction: Russia's national income in 1913–1928*. avtorizovannyi per. s angl. E. Artemovoi. Moscow, Publ. Mysl'. 111 p. (In Russ.).

Mingulin, I. (1927). *Ways to develop private capital*. Moscow – Leningrad, Publ. Moskovskii rabochii. 164 p. (In Russ.).

Mixed economic system (“mnogoukladnost’”) of Russia: historical roots, state and prospects. (2009). Moscow, Publ. Institut ekonomiki RAN. 286 p. (In Russ.).

Orlov, I.B. (2006). *The NEP from a regional perspective: from averaged estimates to diversity*. In: NEP: Economic, political and socio-cultural aspects. Moscow, Publ. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. Pp. 33–54. (In Russ.).

Ostrovityanov, K.V. (1962). *The construction of communism and commodity-money relations*. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe politicheskoe izdatel'stvo. 151 p. (In Russ.).

Rubin, I.I. (1929). *Essays on Marx's Theory of Value: With a new addition to the article “Response to Critics”*. 4th edition. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 374 p. (In Russ.).

Rybina, Z.V. (2015). *The role of socio-economic structures in the formation of the social structure of society*. In: Diskussiya. No. 3. Pp. 39–44. (In Russ.).

Semenov, Yu.I. (1976). *The primitive commune and the neighbouring farming community*. In: The formation of Classes and the State: A collection of articles. Moscow, Publ. Nauka. Pp. 7–86. (In Russ.).

Slezkin, Yu. (2019). *The house of government. The Saga of the Russian Revolution*. Moscow, Publ. Izdatel'stvo AST. 976 p. (In Russ.).

Social mobilisation in Stalinist society (late 1920s-1930s). (2018) 2nd edition. Moscow, Publ. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 591 p. (In Russ.).

Strumilin, S.G. (1930). *Essays on the Soviet economy: resources and prospects*. 2nd edition. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 534 p. (In Russ.).

Suvorova, L.N. (2013). *NEP's mixed economic system: between the state and the market*. Moscow, Publ. Assotsiatsiya issledovatelei rossiiskogo obshchestva. 304 p. (In Russ.).

Timoshenko, V.P. (2005). *Inside Ural oblast: prerequisites to the implementation of regional market type of region government, conditions, realisation, results (1923–1929)*. Ural'skiy istoricheskii vestnik. No. 12. Pp. 81–95. (In Russ.).

Timoshenko, V.P. (2010). Formation of the Soviet model of foreign economic policy. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (28). Pp. 84–93. (In Russ.).

Trotsuk, I.V. (2010). Different economic orders are needed, different economic orders are important. In: *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. No. 2. Pp. 510–514. (In Russ.).

Voeikov, M.I. (2014). *Political Economy: essays and studies*. Saint-Petersburg, Publ. Aleteiya. 307 p. (In Russ.).

For citation: Kilin, A.P. (2021). Private Entrepreneurship in the Russian economy in the 1920-s: a View a Century Later. *ECO*. No. 3. Pp. 8-34. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-8-34.